

Решение выслать Янь Цзыюня не было для Чу Цзюиня сиюминутным порывом. Он долго колебался, взвешивал все «за» и «против», ворочался с боку на бок долгими ночами, прежде чем окончательно утвердиться в своем намерении.

В конце концов, этот мальчишка был сплошным бедствием!

Если оставить в покое его прошлые прегрешения и подлости, то даже после появления в Сяньюане он ухитрился едва не рассорить хозяина со старым Чжу, а уж сколько раз доводил самого Цзюиня до белого каления — и не сосчитать. Такое не прощается.

Раз уж Чжу Тяньгану он так приглянулся, почему бы не сделать широкий жест? И человеку приятно, и в доме лишний рот кормить не придется. Кто знает, может, за такую щедрость удастся выгадать какую-нибудь пользу и для себя.

В собственных глазах эти расчеты выглядели вполне здраво и логично, и Цзюинь поспешил отдать распоряжение Цзя Луну. Но была во всей этой истории одна постыдная тайна, скрытая в самой глубине его существа, — нечто такое, в чем он боялся признаться даже самому себе.

Последние несколько ночей Чу Цзюинь почти не смыкал глаз. Погода стремительно портилась, холодало. Пользуясь затишьем, он укладывался рано, но даже под тяжелым ватным одеялом ворочался до второй стражи, не в силах прогнать навязчивую бодрость.

В конце концов, когда терпение иссякало, он доставал из-под подушки припрятанную бирюзовую робу, украденную тогда на заднем склоне горы. Скомкав мягкую ткань, он прижимал её к груди и, вдыхая едва уловимый аромат, наконец проваливался в тяжелый, путанный сон.

По утрам, обнаружив на простынях неоспоримые следы ночного бесстыдства и вспоминая свои греховные видения, Цзюинь приходил в неописуемую ярость. Он по десятому кругу костил на чем свет стоит эту парочку прелюбодеев, а когда пар был выпущен — принимался ругать самого себя.

«Проклятый Янь Цзыюнь! Настоящий оборотень, искуситель мужских сердец!»

Он понимал: дело плохо. Кажется, он наступил на те же грабли, что и Чжу Тяньган, попав под чары этого мальчишки. Но если весенний гон ещё можно было понять, то сейчас, на пороге зимы, подобная несдержанность казалась просто невыносимой.

«Наверное, есть и другая причина... — уговаривал он себя. — Видимо, я слишком долго жил бобылем. Решено: если удастся выбраться из этой переделки живым, на время отложу самосовершенствование. Во время странствий нужно будет присмотреть себе пригожую и добродетельную жену. Обустроить семейный очаг — дело почтенное».

С этой твердой мыслью — поскорее избавиться от обузы и найти супругу — Чу Цзюинь и отправился в путь. Цзя Лун потратил полмесяца на сборы, и вот однажды ранним утром отряд из полутора десятка человек, погрузив пожитки, медленно двинулся на северо-восток по государственному тракту.

Мошаньпу примыкало к самому озеру Дунтинху. С того дня, как Янь Цзызюнь оказался в Сяньюане, он не видел ничего, кроме стен поместья. И теперь, оказавшись на воле, он чувствовал себя словно птица, вернувшаяся в родной лес, или рыба, ушедшая на глубину. На душе у него стало непривычно легко и ясно.

Поскольку все в свите знали, что Цзюнь-гэер в немилости у господина, и боялись лишний раз гневить хозяина, бедолагу пристроили в самую последнюю, маленькую повозку. Но Янь Цзызюня это ничуть не расстроило: он забросил свой скромный узелок внутрь, откинул полог и всю дорогу во все глаза смотрел на проплывающие мимо пейзажи. Весь этот огромный мир казался ему куда интереснее четырех стен поместья.

Спустя несколько часов отряд добрался до развилки. Людей вокруг становилось всё меньше, и только одинокая чайная лавка на обочине всё ещё дымила очагом. На длинном шесте лениво колыхалось полотнище с грубо выведенным иероглифом «Чай», трепеща под резкими порывами осеннего ветра.

Вчерашний дождь оставил свой след: на дороге отчетливо виднелись отпечатки соломенных сандалий и конских подков. Впереди, в отличие от узкой тропы, по которой они ехали до этого, тянулся широкий тракт.

Цзя Лун направил коня к карете Чу Цзюиня и, не открывая штор, негромко спросил:

— Молодой господин, впереди большая дорога. Мы в пути уже долго, а здесь как раз чайная подвернулась. Не прикажете ли людям передохнуть?

Изнутри донеслось короткое «угу», что означало согласие.

Получив дозволение, слуги один за другим выбирались из своих повозок. Всем хотелось размять кости, выпить горячего чаю с нехитрыми закусками и просто подышать воздухом. На самом деле эти существа могли не есть и не спать сутками, но дорожная скука брала своё.

Войдя внутрь, свита рассредоточилась за столами. Заказали несколько чайников, достали припасенные сладости и сухофрукты, и вскоре в лавке зазвучали оживленные разговоры и смех.

Чу Цзюинь сидел за отдельным столом с Цзя Луном. Слушая краем уха болтовню своих спутников, он и сам немного расслабился. Но стоило ему случайно бросить взгляд в окно, как он недовольно нахмурился. Там, снаружи, на краю тележного колеса сидела щуплая фигурка и в полном одиночестве грызла сухую лепешку.

Заметив перемену в лице хозяина, Цзя Лун поспешно пояснил:

— Все они смотрят только на ваш гнев, господин. Знают, что вы недолюбливаете парня, вот и не смеют проявлять к нему участие. Сестрица Ху звала его к столу, но он сам отказался.

— Кучка шкурников, — процедил Чу Цзюинь, и в голосе его прорезалась злость. — Этот горемыка хоть и бесит меня, но эти лизоблюды еще противнее. — Он сделал Цзя Луну знак. — Перед отъездом прикажи хозяину собрать для него сверток с закусками. Не хватало еще, чтобы люди подумали, будто я морю челядь голодом. Позор на мою голову.

Управляющий кивнул и отправился в дом отдавать распоряжения.

Вскоре, проезжая через небольшое селение, отряд попал на ярмарку. Семь или восемь человек, получив разрешение Цзюиня, сошли, чтобы прикупить забытые при сборах бытовые мелочи. Когда они вернулись, все тюки и свертки были бесцеремонно свалены в повозку, где сидел Янь Цзызюнь.

Чайные сладости из придорожной лавки хоть и уступали стряпне Лао Лю, но были свежими и горячими, так что слуги накупили их впрок. И когда все эти покупки — тюки с ярмарки и корзины с едой — были сгромождены в последнюю повозку, места внутри не осталось совсем.

Кое-кто из свиты, заметив пренебрежение хозяина к Цзюнь-гэеру, решил, что будет очень кстати подыграть господину и проучить парня. Не слушая никаких возражений, они просто вышвырнули его из повозки.

В пути, кроме Ху Бинцин, Янь Цзызюнь ни с кем не знался близко. Да и беспокоить добрую женщину по пустыкам он не хотел, не желая, чтобы ей влетело из-за него. Он привычно сглотнул обиду, стерпел издевательство и ничего не сказал.

Выехав на тракт, они оставили позади ухабы и колдобины. Дорога, выложенная камнем и кирпичом, была прямой и широкой; кони прибавили ходу, переходя на бодрую рысь.

Прошло немало времени. Снаружи заметно похолодало, сумерки сгустились, и стало ясно: до города сегодня не добраться. До ближайшего уезда оставалось ещё несколько десятков ли, и даже если гнать лошадей во весь опор, ворота к их прибытию уже будут заперты наглухо.

Цзя Лун натянул поводья, останавливая коня, и уже собирался распорядиться о ночлеге под открытым небом, как вдруг услышал в хвосте колонны какой-то шум.

Управляющий вздохнул: «Ну что за непутевый народ... Стоило один раз выбраться за ворота, и тут же затеяли свару». Он хотел было повернуть коня, но увидел, как к нему идет разгневанная Ху Бинцин. Одной рукой она мертвой хваткой держала за ворот какого-то старика, а другой тащила за собой Янь Цзызюня.

— Старший управляющий, рассуди нас! — выкрикнула она.

Когда из Тётушки Ху лезла её лисья натура, она становилась настолько строптивой, что любой мужчина предпочел бы с ней не связываться. Тот, кого она волокла — один из старых слуг по имени Бу Да, — тоже был не из робкого десятка. Они принялись яростно переругиваться прямо перед носом Цзя Луна.

Управляющий поморщился:

— Что за шум? Не ровён час, потревожите покой господина.

Ху Бинцин резко отпустила ворот противника и ткнула пальцем в ноги Янь Цзызюня:

— Цзя Лун, ты только глянь! Видано ли такое издевательство?

Цзя Лун в недоумении поднял фонарь. Тряпичные туфли на ногах парня были стерты почти до дыр и залеплены густой грязью. Большой палец левой ноги постыдно торчал из прорванной ткани, а на грязной подошве проступили бурые пятна крови.

Сам Янь Цзызюнь выглядел краше в гроб кладут: бледный как полотно, волосы всклокочены, на висках от пота прилипли пряди. С того момента, как они остановились, он стоял, согнувшись и уперев руки в колени, и дышал так тяжело, будто легкие у него вот-вот разорвутся.

— Что это значит? — опешил Цзя Лун. — Цзюнь-гэер, ты ведь ехал в последней повозке. Откуда этот вид?

Парень не мог вымолвить и слова, ловя ртом воздух, так что за него ответила Ху Бинцин:

— Ты у него спроси! Мальчишка смирно сидел на своем месте, а эти... накупили барахла, в свои кареты класть не захотели, мол, тесно им, и всё до последнего узла в его повозку запахали. А когда места не осталось — просто выставили его вон!

Цзя Лун, прослуживший управляющим столько лет, сразу понял, что старый Бу Да решил просто выместить злобу на безответном юноше. Он посмотрел на старика ледяным взглядом.

— Лао Бу, ты ведь из старых слуг. Где твой разум? Мы отправились в путь, чтобы порадовать господина, а не чинить распри. Ты устроил такой переполох... Если хозяин разгневается, никто тебя не защитит.

Ху Бинцин подтолкнула Янь Цзызюня вперед:

— Все мы здесь подчиняемся тебе, Цзя Лун. Посмотри на него! Мальчик только-только оправился от тяжелой болезни, силы в нем едва теплятся, а этот черстводушный мерзавец решил его извести. Если бы я не заметила, этот дурачок так бы и бежал за каретами до самой ночи, не смея слова пикнуть!

Цзя Лун, не обращая внимания на причитания женщины, обратился к Янь Цзызюню:

— Раз тебя обидели, почему не пришел ко мне? Зачем позволил так с собой обращаться?

Янь Цзызюнь только ниже опустил голову, продолжая хрипло дышать.

— Да он запуган до смерти! — вскипела Ху Бинцин. — Боялся, что мне из-за него достанется, вот и решил скорее ноги в кровь сбить, чем голос подать! — Она метнула яростный взгляд на Лао Бу. — Мало ты меня знаешь, старый пень! Я-то чего испугаюсь?!

Бу Да, видя недовольство управляющего, всё же не собирался отступать. Он дерзко вскинул голову:

— Управляющий верно говорит, дело-то пустяковое! Подумаешь, положили вещей побольше. Он сам согласился! Повозка идет последней, никто и не видел, что он там за ней плетется. А эта девка решила из мухи слона раздуть и глотку тут дерет. Порядка никакого!

Он пренебрежительно хмыкнул, глядя на Ху Бинцин. Та в ответ выхватила из рукавов пару узких кинжалов-ивовых листьев, и если бы её не перехватили за руки, на месте Лао Бу уже остывал бы труп.

Старик, однако, не унимался:

— Ты, девка, думаешь, раз хозяин к тебе благоволит, так на всех плевать можно? Заруби себе на носу: того, кто неугоден господину, каждый волен топтать ногами! Мы его немного погоняли, не убили же. Велика беда! Хозяин, небось, еще и похвалит, что мы за него душеньку отвели!

— Ах ты ж тварь бесстыжая... да я тебя сейчас...

Ху Бинцин уже готова была вырваться из рук удерживавших её слуг и вцепиться старику в глотку, как вдруг тяжелая ладонь легла ей на плечо, мгновенно прижав к земле.

— И кто же это у нас такой заботливый? Кто это тут за меня решения принимает?

Голос, прозвучавший над головами, был вкрадчивым и тягучим. У всех присутствующих по спинам пробежал ледяной холод. В наступившей тишине было слышно лишь прерывистое

дыхание.

Ху Бинцин, не оборачиваясь, выпалила:

— Господин, вы только посмотрите, как этот душегуб над людьми измывается!

— Собрались тут... одни смутьяны. Раз в вас обоих кровь кипит, идите и стойте на коленях у обочины. Пусть ночной ветер остудит ваши горячие головы, тогда и пойдете спать.

Чу Цзюинь не стал разбираться, кто прав, а кто виноват. Его слово было законом, и спорщики, какими бы обиженными они ни были, покорно опустили на кирпичную кладку дороги. Ху Бинцин, подхватив подол юбки, с обиженно надутыми губами замерла в ледяном потоке воздуха.

Все решили, что на этом расправа окончена, но тут Чу Цзюинь резко повернулся к Янь Цзыюню и рявкнул:

— А в том, что ты во всем этом замешан, я и не сомневался! Вечно от тебя одни беды!

У Янь Цзыюня подкосились ноги, и он рухнул на колени прямо там, где стоял.

— Цзя Лун! Найди ему чистую обувь. Пусть умоется, приведет себя в порядок и тащи его ко мне в карету!

От этих слов Янь Цзыюнь уже не просто стоял на коленях — он буквально обмяк, замертво повалившись на грязные камни дороги.

<http://bllate.org/book/17484/1695859>